

М. В. ВИШНЯК

[Рецензия на:]

Проф. Н. Устрялов. — «В борьбе за Россию».

Издат. «Окно». Харбин. 1920

Названная книжка представляет из себя сборник статей, написанных автором после падения правительства адм. Колчака, «которое он поддерживал, как мог, до последней минуты его существования». Автор рекомендует в предисловии: «в политической жизни я принимал участие в качестве председателя «восточного отдела центрального комитета» партии народной свободы, редактора газеты «Русское дело»¹ и одного из руководителей «Русского Бюро Печати»² — игравшего в Сибири, надо пояснить, роль южнорусского «Освага»³. Н. Устрялов не забывает упомянуть о том, что противники слева называли его теоретическим столпом омского разбоя», а в Харбине создан даже особый, производный от его имени политический термин — «устряловщина».

«Устряловщина», по мнению г. Устрялова, есть «попытка ответа на роковой вопрос»: «на что надеяться и что делать националистам Великой России, желающим до последней минуты, до последней возможности остаться верными себе, не останавливаясь ни перед чем» (стр. 66).

Книжка Устрялова действительно дает яркий пример того, до чего может дойти «сознательный русский националист и патриот», твердо решившийся «не останавливаться ни перед чем»...

Вышедший всего три года тому назад на бой не столько против большевиков, сколько против революции и демократии, недавний идеолог «колчаковщины» ныне пишет:

«Ясно, что худшие дни миновали, что революция из силы разложения и распада стихийно превращается в творческую и зиждательную национальную силу...

Нам, естественно, казалось, что национальный флаг и “Коль славен” более подобают стилю возрожденной страны, нежели крас-

ное знамя и “Интернационал”. Но вышло иное... Пусть это странно и больно для глаза, для уха, пусть это коробит — но в конце концов в глубине души невольно рождается вопрос: красное ли знамя безобразит собою Зимний Дворец или, напротив, Зимний Дворец красит собою красное знамя? “Интернационал» ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские Ворота — или Спасские Ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в “Интернационал”?» (стр. 6–7).

«С точки зрения русских патриотов, русский большевизм, сумевший влить хаос революционной весны в суровые, но четкие формы своеобразной государственности, явно поднявший международный престиж объединяющейся России и несущий собою разложение нашим заграничным друзьям и врагам, должен считаться полезным для данного периода фактором в истории русского национального дела» (стр. 12).

«Теперь антибольшевистские элементы старой формации растворились в новой русской атмосфере, «отменяются» в высшем синтезе все категории нашей гражданской войны, утрачивается мало-помалу противоположение «белой» и «красной» России, уступая дорогу давножданной «России просто»... (стр. 39).

«Чем скорее исчезнут с лица России последние очаги организованного повстанчества, после Омска и Екатеринодара утратившие всякий положительный смысл, тем вернее будет обеспечено дело нашего национального возрождения, о котором мы все мечтаем. Путь в Каноссу таким образом окажется путем в Дамаск» (стр. 63).

«Красный империализм есть последний крик русского великодержавия» (стр. 66). И т. д. и т. п.

Этих нескольких цитат, думается, достаточно для того, чтобы получить представление о существе и аромате «устряловщины». Предвидя, что он может показаться перевертнем, Устрялов предупредительно забегает вперед: «не мы, а жизнь повернулась «на 180 градусов». В этих почти по-коперниковски звучащих словах правильно отмечена та черта «устряловщины», которая при всех обстоятельствах жизни заставляет ее остаться верной самой себе.

Устрялов — не единичное явление. Это, можно сказать, целое течение общественно-политической мысли России, которое возникает периодически, в моменты упадка и разложения. Вспомните известные слова из «Вех»: «Нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». И сопоставьте их с новейшей аранжировкой Устрялова: «Не расшатывать существующую власть перед лицом

угрожающей анархии должна русская общественность, а укреплять эту власть, влиться в нее, дабы спасти государство, себя и «народ», который в переходящей ярости своей, подобно библейскому Самсону, готов погубить душу свою вместе с филистимлянами» (стр. 70). Итоги сопоставления очевидны: и тут, и там полное неверие в народ; и тут, и там — от традиций, заповеданных еще апостолом Павлом: готовность преклониться перед всякой властью, ибо нет власти — ни царской, ни комиссарской — еще не от Бога; ибо всякий, не повинующийся власти, хотя бы и советской, противится велению Господнему и заслуживает вечного осуждения. Отсюда — естествен и призыв к лояльности в отношении к властям преобладающим. Устрялов наставительно поучает: «Кадетским идеологам не мешало бы все-таки вспомнить старые схемы и концепции. Право же, многие из них не так уже устарели. И особенно тот мудрый дух «государственной лояльности» и эволюционизма, который по справедливости был фундаментом этой партии, ныне крайне нуждался бы в некоторой реставрации.

Бойтесь, бойтесь романтизма в политике. Его блуждающие огни заводят лишь в болото...

Н. Устрялов принадлежит к той «школе» московских ученых и публицистов, которые стали группироваться вокруг так назыв. «съездов общественных деятелей» еще накануне выступления ген. Корнилова. «Русские Ведомости»⁴, «Утро России»⁵, «Накануне»⁶ стали излюбленными органами, где, после разгона Учредительного Собрания стали с особым усердием заниматься «пересмотром идеологии» и «народолюбческих увлечений беспочвенной русской интеллигенции» проф. П. И. Новгородцев, Белоруссов⁷, проф. В. М. Устинов⁸, И. А. Ильин⁹ и из менее крупных — Н. Н. Алексеев¹⁰, Н. Устрялов, Ю. Ключников и другие. Именно тогда «Русские Ведомости» напечатали: «нельзя одновременно служить божественному принципу отечества и культуры и мамоне демократических доктрин и лозунгов»; «хорошая вещь народовластие, но и его надо применить во благовремени и с разумением». Тогда-то и Устрялов, до того писавший лишь популярные и благонамеренные брошюры о том, «Что такое Учредительное Собрание» и «Ответственность министров», нашел, что «после злополучного опыта выродившегося абсолютизма и после еще худшего опыта «демократической» республики» надо поискать «истинный путь национального возрождения России».

И в то время как одни профессора в поисках этого пути направились на юг и стали пробовать возрождать Россию чрез Особое Совецание ген. Деникина (проф. Новгородцев), чрез «Осваг» (проф. Соколов¹¹, Ленский¹², Grimm¹³ и т. д.) и «Великую Россию»¹⁴ (проф. Струве,

Алексеев); другие — Белоруссов, Ключников, Устрялов — занялись столь же плодотворной практической деятельностью на северо-востоке, в Сибири. Результат, как известно, и тут, и там, оказался один и тот же. Некоторый разнобой получился лишь в заключительном аккорде.

Еще проф. Алексеев в последних номерах «Великой России» в тысячу первый раз дописывал: «среди многих идолов, поклонение которым погубило русскую интеллигенцию, одним из самых главных является идол демократизма... Весь мир объят ныне безумием демократизма. Мы верим, безумие это пройдет. Придет время, и мир оценит положительную силу антидемократических, скажем прямо, реакционных теорий». А в это же время, вдохновляемый тем же реакционно-патриотическим эросом, его сибирский коллега успел уже переменить своего господина и свою прежнюю кампанию против демократии повел уже не во славу адмиральской диктатуры, а во имя «красного империализма»...

И это было вполне естественно, ибо пафос остался прежний: непоколебимая вера в диктатуру, белую или красную — безразлично, но в диктатуру как метод и как цель, и стихийное, неистребимое недоверие к народу. В этом объяснение, почему, когда на востоке или юге мечтают о Великой России, всегда одинаково имеют в виду не творчество или гений великого народа, а «гениальность» удачливых императоров, диктаторов или комиссаров.

Еще до «устряловщины» возникла в советской России «гредескуловщина». В отношении к родоначальнику последней, тоже профессору, «жизнь повернулась» также не на один десяток градусов. От протопоповской «Воли России» к советским «Известиям» и от нравственного возмущения террором революционеров как «убийством из-за угла, втайне приготовленном и предательски осуществленном», к столь же нравственной проповеди о слиянии интеллигенции с террористической властью — дистанция немалого размера. Однако, по сравнению с «устряловщиной», и «гредескуловщина»¹⁵ приобретает положительные черты...

Гредескулы не боролись вчера против тех, к кому они призывают идти на помощь сегодня. Устряловы с таким же азартом боролись против большевиков вчера, как беззаветно готовы служить им сегодня. Гредескулы и Брусиловы капитулировали, находясь «на том берегу», в царстве смерти, — Устряловы предали на сторону «красного империализма» из приличного «далека». Чувствительные и недалекие Гредескулы задаются мучительным лишь для них и по существу бесплодным вопросом: «почему это интеллигенция, носительница

вечных идеалов равенства и братства, в трагический для народа момент от него «отвернулась»? Устряловы же поют осанну советской власти и, как могут, способствуют ее признанию, питая вредную, широко распространенную на Западе — от Ллойд-Джорджа и Уэльса и до L'Humanite¹⁶ — унижительную для русского народа легенду о том, что власть в России возможна либо царская, либо большевистская.

«Гредескуловщина» порождена нуждой, чувствительностью, недомыслием. «Устряловщина» — гораздо более низменного происхождения. Ее создала та же психология, которая заставляет тех же самых людей — при изменившихся даже не на 180 градусов внешних обстоятельствах — то тянуться к чужим физиономиям, то подобострастно припадать к их же «ручке».

Щедрин дал красочное описание этих людей.

[Рецензия на:]

«Смена вех». — Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. — Прага. — 8 франков

Настоящий сборник несомненно имеет большой успех. Он вызывается не столько содержанием статей, сколько биографическими свойствами их авторов. Трое участников сборника вообще малоизвестны — с политической стороны до сего времени и совсем неизвестны. Трое других — Ключников, Устрялов, Бобрищев-Пушкин — были ближайшими участниками белого движения в Сибири и на Юге, у адмир. Колчака и ген. Деникина. И вдруг все шестеро переметнулись в большевистский стан... Это было бы их личным, мало кому интересным делом, если бы оно не сопровождалось поклонением этих лиц тому, что до того ими сжигалось, и сожжением того, чему раньше они клали низкие поклоны. А главное — если бы заинтересованные круги не придали этому очередному «перелету» значения крупного «события»: не то литературной сенсации, не то политического скандала. Подумайте только: сам Троцкий¹ удостоверил, что авторы — «не какие-нибудь продажные души, желающие получить серебрянники от советской власти»!.. А «Правда» рекомендует каждой губернии приобрести по экземпляру сборника для того, чтобы